

Сконица Д. С.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/75.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 184-186. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

взаимоотношений между явлениями и процессами, как, например, в приведенном фрагменте сравниваются *Gedanke* (мысль) и *Blitz* (молния). Благодаря своей динамической структуре язык поэзии, считает Гете, особенно полно и адекватно может выражать «живое чередование жизненных явлений». В отличие от языка науки язык поэзии передает живость и непостижимость явлений, сохраняя их значимость, выражая их онтологическую сущность.

Список использованной литературы

1. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Языки как образ мира. - М., СПб., 2003.
2. **Гадамер Г.-Г.** Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991.
3. **Гете И. В.** Собрание сочинений: В 10-ти томах / Под общ. ред. А. Аникста и В. Вильмонта. - М., 1975-1980.
4. **Гете И. В.** Собрание сочинений в 13 т. / Под общ. ред. А. В. Луначарского и М. Н. Розанова. - М., 1949.
5. **Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С.** История немецкого литературного языка XVI-XVIII вв. - М., 1984.
6. **Кант И.** Сочинения: В 8-ми томах. - М., 1994. - Т. 5.
7. **Лагутина И.** Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы. - М., 2000.
8. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М., 1996.
9. **Неустроев В. П.** Литературные очерки и портреты. - М., 1983.
10. **Штайн К. Э., Петренко Д. И.** Русская метапоэтика: Учебный словарь. - Ставрополь, 2006.
11. **Goethes Briefe und Briefe an Goethe:** Hamburger Ausgabe in sechs Baenden / Hg. von Karl R. Mandelkow. - Muenchen 1988. (= Briefe).
12. **Goethe J. W.** Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespraechе / Hg. von Ernst Beutler. - Zuerich, 1948-1960. - 24 Baende. (= GA).
13. **Goethe J. W. von. Werke.** Hamburger Ausgabe in 14 Baenden / Textkritisch durchges. und komment. von Erich Trunz u. a. - Muenchen, 1988.
14. **Leibniz G.W.** Unvorgreifliche Gedancken, betreffend die Ausuebung und Verbesserung der Teutschen Sprache / Paul Pietsch: Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. - Vierte Reihe. - Heft 30 (1908). - S. 313-356 und 360-371.
15. **Simon J.** Goethes Sprachansicht. - Jahrbuch des freien deutschen Hochstifts, 1990. - S. 1-27.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

*Скопина Д. С.
Ульяновский государственный университет*

Важнейшим видом личности и личностности является «языковая личность», - концепция которой в последние годы развивается Ю. Н. Карауловым. В его работах языковая личность определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов 1989: 3].

Ю. Н. Караулов также определяет языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеется в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой - по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [Сысоев 2003: 114-115].

Ю. Н. Караулов представляет структуру языковой личности, состоящей из трех уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя - традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания - к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Эти уровни обеспечивают в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой деятельности в мире» [Караулов 1989: 5].

Личность - это детализованный характер. Человек же говорящий, по мнению многих философов языка, должен поступиться некоторыми (если не многими) своими неповторимыми чертами именно вследствие того, что используется конкретный язык. Б. Расселл считал, что язык по своей природе социален в отношении своих основных функций: даже ведя дневник только для себя, мы тем не менее не можем быть сверхиндивидуальными. Поэтому «то, что наиболее лично в опыте каждого индивида, обычно улетучивается по ходу перевода на этот язык. Более того, сама направленность на публику в языке в значительной степени иллюзорна. Конкретное словесное выражение интерпретируется компетентными слушающими таким образом, чтобы быть истинным или ложным для каждого из них, - и тем не менее, значит это выражение для каждого из них что-то свое. Различия, не затрагивающие истинность или ложность высказывания, обычно

обладают малой практической значимостью, а потому ими пренебрегают, отчего наш личный мир нам кажется гораздо более близким к миру общественному, чем это есть на самом деле» [Asch 1952/87: 3].

Воркачев утверждает, что термин «языковая личность» образован проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность [Воркачев 2001: 65].

В рамках антропоцентрической парадигмы язык рассматривается как факт, а в центре внимания стоит языковая личность.

«В нашем понимании любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей... различные языковые личности могут дифференцироваться, во-первых, по уровню языковых знаний, во-вторых. По степени владения видами речевой деятельности, в-третьих, - по тем темам, сферам и коммуникативным ситуациям, в рамках которых происходит речевое общение» [Клобукова 1995: 322-323].

Прохоров Ю. Е. считает, что «если языковая личность - это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность - это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. В этом случае речевая личность - набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками данной ситуации общения: ее коммуникативными целями и задачами, ее темой, нормой и узусом, ее этнокультурными, социальными и психологическими параметрами» [Прохоров 2006: 86].

«В личности, вернее в ее речевой и неречевой деятельности, реально опредмечиваются, завершаются многочисленные процессы социализации индивида» [Тарасов 1977: 41].

«Как известно из психологии, главным признаком личности является наличие сознания и самосознания. Тогда главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и самосознания» [Никитина 1989: 34].

«Языковое сознание реализуется в речевом поведении. Поэтому, говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [Никитина 1989: 34].

Замалетдинов Р. Р. считает, что «культурологический подход, являясь основой формирования языковой личности, с одной стороны, предполагает диалог с этнонациональными культурами и приобщение личности к общечеловеческой культуре, с другой проявляет себя как нечто чрезвычайно гибкое, резонируя с внедрением в жизнь новшеств самого разного свойства, откликаясь на последние достижения НТП и преломляясь в профессиональной, информационной, экологической сферах» [Замалетдинов 2004: 159].

Й. Вайсгербер, который одним из первых обратился к языковой личности, утверждает о зависимости всей жизни человека от родного языка, а также о взаимосвязи родного языка и духовного формирования человека. В этом отношении, справедливо высказывание В. В. Воробьева: «Личность - средоточие взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития. Поэтому о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке» [Воробьев 1998: 26].

Основная структура личности, по Кардинеру, обозначает «группу психических и поведенческих характеристик, проистекающих из контакта с одними и теми же институциями и явлениями, такими, как язык, специфические значения и т. п.» [Kardiner 1939: 12] Этот термин обозначает не целостного индивида, а только те его черты, которые роднят его с другими членами его этнической общности, возникшей в результате специфических культурных и социальных влияний. Иначе говоря, базовая личность, модальная личность, национальный характер - это «те склонности, представления, способы связи с другими и т. п., которые делают индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и идеологии и которые позволяют ему достигать адекватной удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка» [Inkeles 1969: 424-425].

Список использованной литературы

1. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 64-72.
2. **Воробьев В. В.** Языковая личность и национальная идея // Народное образование. - 1998. - № 5. - С. 25-30.
3. **Замалетдинов Р. Р.** Лингвокультурология и проблемы преподавания лингвистических дисциплин (в условиях дву- и многоязычия) // Вопросы филологии. - 2004. - № 2. - С. 159-163.
4. **Караулов Ю. Н.** Предисловие: Русская языковая личность и задачи ее изучения // Д. Шмелев ed. Язык и личность. - М.: Наука, 1989. - С. 3-8.
5. **Клобукова Л. П.** Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова: Тезисы докладов. - М., 1995. - С. 321-323.
6. **Никитина С. Е.** Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. - М.: Наука. 1989. - С. 34-41.
7. **Прохоров Ю. Е.** Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. - М., 2006. - 338 с.

8. Сысоев В. П. Когнитивные аспекты овладения культурой // Вестник МГУ. Сер 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2003. - № 4. - С. 110-122.
9. Тарасов Е. Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихолнгвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения / АН СССР. - М.: Наука, 1977. - С. 38-54.
10. Asch S. E. Social Psychology. - Oxford U.P., 1987.
11. Inkeles A. and D. J. Levinson. National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // Handbook of Social Psychology / Ed. by Q. Lindzey and E. Aronson. - Vol. 4. - Reading (Mass.), 1969. - P. 424-425.
12. Kardiner A. Individual and his Society. - New York, 1939. - P. 12.
13. Inkeles A. and D. J. Levinson. National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems / Ed. by Q. Lindzey and E. Aronson. - Vol. 4. - Reading (Mass.), 1969. - P. 424-425.

ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Сметанина О. М.

ГОУ ВПО «Волго-Вятская академия государственной службы»

Сейчас, когда речь идёт о видении развития образования России на ближайшую и далёкую перспективу, много рассуждают о проблемах, типах и направлениях этого развития. В большинстве случаев разговоры не выходят за рамки эмпирически-констатирующего описания существующего состояния (хотя и это, безусловно, очень важно) и не носят футурологической направленности, в то время как образование не может развиваться эффективно, не имея чётких и поддерживаемых обществом перспектив своего развития. Исходным моментом разработки стратегии является учёт многообразных внутренних и международных тенденций в развитии образования. При этом надо иметь в виду, что международные тенденции в современном мире по отношению к отдельной стране играют роль уже не только и не столько внешнего, сколько внутреннего фактора. В этой связи при разработке стратегии российского образования в условиях глобализации представляется необходимым диалектически соединять международные и внутрироссийские тенденции и интересы. «Глобализация не должна приводить к унификации развития всех стран (в том числе России) по образцу одной или нескольких стран. Соединённые Штаты Америки или страны Западной Европы, которые ныне выдаются за высший образец и центр мирового общественного развития, не были и не будут вечными образцами, да и сейчас по некоторым параметрам не являются носителями высших ценностей. Страны же других регионов зачастую обладают таким своеобразием, что глобализация по образцу США или стран Западной Европы может привести к ликвидации многообразия форм человеческой жизни, которое является условием творческого развития человеческого общества» [Никитин 2006: 17-18]. При разработке стратегии развития России нужно учитывать её исторические и социокультурные особенности. Необходимо понимать сущность явления, процесса, деятельности, заранее видеть их последствия и потому принимать своевременные меры для предотвращения или, как минимум, - минимизации негативных последствий.

Сегодня в школах зачастую изучается только английский язык, вследствие чего в вузы поступает все меньше абитуриентов с немецким языком как иностранным. Не умаляя роли английского языка, мы считаем эту тенденцию в российской системе образования ошибочной.

Прогноз и конструирование как свойства деятельности человека сохраняются, они остаются инструментами разработки социальной стратегии любой страны, и Российской Федерации в частности.

Исходным моментом этой разработки был и остается учёт внутренних и международных тенденций в развитии экономической, политической, собственно социальной и духовной сфер жизни. В этой связи при разработке стратегии развития образования в России в условиях глобализации представляется необходимым диалектически соединять международные и внутрироссийские тенденции и интересы. Интегративно-комплексный подход является наиболее эффективным на этом пути. Научно обоснованное многомерное формирование мнения по поводу того, какие языки преподавать и изучать в современной российской школе, должно помочь выходу из нынешней кризисной ситуации.

Развитие образования и науки означает не в последнюю очередь их интернационализацию, то есть формирование класса таких специалистов, которые являлись бы полноправными участниками международного научного сообщества, а это будет означать все большую интеграцию России в единое научное и образовательное европейское пространство. «Болонский процесс в Европе набирает темпы, и для России важно занять в нем надлежащее ей достойное место. Но Россия - это не абстрактное понятие, это российские студенты, аспиранты и ученые. Именно им важно использовать свой шанс для получения международного опыта учебы и научной работы, установления и развития контактов с зарубежными учеными» [Стипендиальные программы 2006: 5]. Европейское многоязычие в этих условиях увеличивает шансы этого сотрудничества. Не только английский язык нужен многоязычной Европе. Формирование внутренней детерминации, чувства личной ответственности за результаты своего образования, *создание условий* для возможности принятия решения в условиях выбора в значительной мере поможет преодолению наметившейся тенденции вытеснения немецкого и французского языков из школ и вузов.

«Глобализация в системе образования, как и во многих других областях жизни общества, является объективно необходимым и потому естественным процессом, который нецелесообразно ни ускорять, ни замедлять. Ибо существуют и еще долго будут сохраняться ментальные, социокультурные, национально-